

оформленный по сем правилам договор, большевики не привезли обещанного оружия и отказались вернуть деньги⁸⁴¹. Имеются сведения о том, что при дележе добычи после нескольких совместных «эксов» большевики наживались за счет уральских боевиков⁸⁴².

Авантюристическая деятельность боевиков серьезно дестабилизировала обстановку в регионе, приводила к большому, но напрасным жертвам. Благодаря ей фактически оказалась бесполезной резолюция Первой конференции военной и боевой организации РСДРП, созванной большевиками в ноябре 1906 г. в Таммерфорсе, которая объявляла экспроприации «лишь конфискацией средств...у правительства и их передачу в руки народа», предпочтительно без кровопролития⁸⁴³.

А между тем спад революции на Урале, как и во всей стране, в 1907 г. продолжался. Кратковременное оживление рабочего движения произошло лишь в мае, когда состоялось 34 стачки, в которых участвовало свыше 34 тыс. чел. Крестьянские выступления в крае за первые полгода имели место в 51 волости (против 108 за тот же период 1906 г.)⁸⁴⁴.

Роспуск II Государственной Думы и оглашение 3 июня 1907 г. царского закона об условиях выборов в следующую Думу означали наступление нового этапа в истории России. Суровыми мерами чрезвычайных законов власти смогли справиться с массовыми антиправительственным движением⁸⁴⁵, пошла на спад волна терроризма и экспроприации.

В 1908 г. было покончено с партизанскими действиями на Западном Урале, контролировавшихся эсерами отрядов А. Лбова и братьев Давыдовых⁸⁴⁶. В 1909 г. прекратили экспроприации южноуральские боевики, возглавлявшиеся большевиками, вышедшими из-под контроля центральных органов⁸⁴⁷. К 1910 г. на Южном Урале были разгромлены группы анархистов-коммунистов. Часть боевиков смогла уехать за границу, остальные были арестованы, осуждены военными судами к различным срокам тюремного заключения, а некоторые казнены.

А.П. Романов
Челябинск

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗЕМСКОЙ ШКОЛЫ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

С организацией земств и изданием в 1864 г. «Положения о начальных народных училищах» в историографии связывается создание школы для крестьянского населения Российской империи. Земские деятели народного просвещения основоположником начальной школы считали барона Н. А. Корфа, который активно участвовал в создании первых школ для крестьянских детей в Екатеринославской губернии. Он заявлял: «Народное училище, не готовит ремесленников и земледельцев, но воспитывает людей, а потому и должно сообщать не специальное, а общее начальное образование, необходимое всякому человеку, на какую бы дорогу его не бросила судьба», - признавая таким образом необходимость создания системы начальных школ как общеобразовательных учебных

⁸⁴¹ Там же. С. 265.

⁸⁴² Анашкин Е.А. Из воспоминаний революционера 1905 – 1923 гг., Межуниверситетский проект по истории меньшевистского движения, работа 7, Нью-Йорк, 1961, С. 34.

⁸⁴³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1, 9-е изд. М., 1983. С.242; Гейфман А.А. Указ.соч. С.167.

⁸⁴⁴ Урал в революции 1905 – 1907 гг.: (Инф. материалы) АН СССР (отв. ред. Д.В. Гаврилов) Свердловск: УНЦ АН СССР, 1985.

⁸⁴⁵ Положение от 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», «Положение о местностях, объявленных на военном положении» (временный приказ по линии от 20 февраля 1904 г. № 16), Правила о военно-полевом суде» (приказ № 115 от 19 сентября 1906 года) в газете Уральский край. Екатеринбург, № 142 от 8 октября 1906. С. 3., № 146 от 13 октября 1906. С.2.

⁸⁴⁶ Мельников Ф. Западный Урал в революции 1905 – 1907 гг. Пермск. обл. изд., тип. обл. изд. газ. «Звезда», 1946.

⁸⁴⁷ Боевая и военная деятельность большевистских организаций ...

заведений в противовес консервативным идеям сословной профессионализации обучения⁸⁴⁸.

Н.А. Корф также обозначил дискурсивные образы, постоянно используемые впоследствии в либеральной публицистике и рассуждениях земских деятелей по народному образованию⁸⁴⁹. Во-первых, это образ недостаточного государственного финансирования начальной сельской школы. Во-вторых, полемизируя с консерваторами, считавшими, что образование, соединенное с бедностью даст революцию, он доказывал на опыте европейских стран, что развитие образования приведет к снижению преступности, общему развитию нравственных качеств народа и прогрессу в экономической жизни. В-третьих, он поднял проблему подготовки педагогических кадров, заявляя, что народу нужны квалифицированные учителя, а их профессиональное обучение есть специальная отрасль педагоги.

Школа непросто приживалась в аграрных обществах, будучи не связанной с непосредственным опытом крестьян формой обучения⁸⁵⁰. Поэтому работа в крестьянской среде стала осознаваться как особая проблема с первых шагов земской школы. Проблема взаимной адаптации школы и деревни усложнялась тем, что земские деятели недоброжелательно относились к традиционным, для быта аграрной России, способам передачи грамотности через мастеров-грамотеев, переходивших из деревни в деревню и обучавших крестьянских детей по соглашению с их родителями за плату. Земства же предлагали стационарное училище. Программа такого училища была ориентирована на ознакомление с самыми элементарными вещами и рассматривалась как подготовительная ступень к школе более высокого уровня.

Либеральные идеи о несословной общеобразовательной школе, готовящей детей к честной и разумной жизни, а также указывающей им путь к самосовершенствованию стали к 1890-м гг. базовой основой земской стратегии. Неприятие «профессионализации» обучения в начальной школе и в учительских семинариях стало одним из первых символических способов самонидентификации либеральных деятелей народного просвещения. Их новое поколение, вошедшее в общественную жизнь в начале 1890-х гг., начинало историю своей оппозиционности правящему режиму как раз с того, что осуждало стремление правительства внедрить в начальные народные училища (ННУ) профессиональные начала, обнаруживая в этом способ укрепления сословного господства дворянства⁸⁵¹.

Однако ответ на вопрос, дает ли сельскохозяйственное обучение в ННУ какие-либо плоды, так и не был получен, поэтому, как и 20 лет назад, спор продолжался в 1913 на Пленуме Всероссийском съезде по вопросам народного просвещения. Мнения по прежнему разделились. И.С. Скотников выступил с докладом: «О несовместимости общеобразовательных и профессиональных задач в начальной школе». Его позиция, нашедшая отражение в названии доклада, была поддержана многими. Например, известным земским деятелем князем П.Д. Долгоруковым⁸⁵².

Сторонники этого мнения на съезде оказались в большинстве, так как при голосовании была отклонена поправка, внесенная в резолюцию группой учителей: «для земледельческого края при начальной школе преподаются сведения сельского хозяйства, домоводства, агрономическая химия, а где нужно по местным условиям и ремесла, т. е. все то, что нужно для культурно образованного земледельца. Для преподавания этих

⁸⁴⁸ Корф Н.А. Русская начальная школа. СПб., 1870. С. 85.

⁸⁴⁹ Корф Н.А. Земский вопрос. СПб., 1867. С. 1-23.

⁸⁵⁰ Зиндер Р. Социальная история семьи. М., 1997. С. 44.

⁸⁵¹ В.П. Вахтеров так определял эту позицию: «Нет такой профессии, в которой не требовалось бы того, что ставит себе общеобразовательная народная школа, т. к. наблюдательность и здравый смысл нужны всем». Вахтеров В.П. Спорные вопросы образования. М., 1907. С. 31; Полемические статьи посвященные этой проблеме: Феликсов Н. А. Что такое начальная народная школа? // РШ. 1895. № 5-6. С. 189-205, Новиков М. К вопросу о расширении курса начальной школы // РШ. 1902. № 2. Отдел I. С. 139-148.

⁸⁵² Организация образования в сельской местности России. М., 1993. С. 51.

практических знаний школы дополняются новым составом учащихся из специалистов. Учителя общеобразовательных предметов от этого свободны»⁸⁵³.

Аргументация в защиту введения преподавания сельскохозяйственных знаний в ННУ прозвучала в докладе И. Лапицкого «Народная школа и сельское хозяйство». Он заявил: «Единственно, что делает пока у нас народная школа – это отрывает от крестьянства, выбрасывает из деревни способнейших ее детей». Для изменения ситуации, необходимо, чтобы народная школа «величайшего земледельческого государства» стала школой сельскохозяйственной путем введения в качестве самостоятельного предмета – сельского хозяйства. Предлагалось популяризировать новую агротехнику с помощью образцовых школьных хозяйств, а обычные школы должны быть наделены землей.

Еще в 80-е гг. XIX в., за 30 лет до съезда, предпринимались меры по организации предлагавшегося Лапицким обучения, и школы наделались землей. Однако, в качестве аргументов в пользу того или иного способа организации школы, данные о практических результатах этих опытов не фигурировали, по-прежнему, реальные аргументы заменяли риторические приемы, заимствованные из классической полемической практики. Вполне возможно, что никаких данных просто не было. Одна сторона игнорировала практическую школу, не обращая на нее внимания в силу культурного неприятия. Другая, не увидев ожидавшихся с началом подобного обучения грандиозных перемен, не проявляла достаточной настойчивости для повсеместного внедрения практического обучения. В результате полемика велась так, будто время остановилось.

Тем временем в повседневной жизни деревни не было места для ежедневного применения умения читать, считать и писать. Доказательством тому служили многочисленные рецидивы безграмотности, когда через несколько лет после окончания школы ее бывшие ученики теряли навыки письма и чтения. В 90-е гг. XIX в., это явление стало поводом к организации повторительных курсов для взрослых крестьян и сети библиотек⁸⁵⁴. В 1910 г. в 24 губерниях было организовано 297 сельских школ для взрослых, не считая многочисленных периодических временных курсов⁸⁵⁵. Главной задачей этих мероприятий была мобилизация навыков, полученных в школе. Только в Вятской губернии имелось 98 курсов повторения при земских школах, для них пришлось вводить особые учителей, которые постоянно были в разъездах, занимаясь исключительно повторительными занятиями⁸⁵⁶.

Сами по себе внешкольное образование и внешкольная работа выделялись либеральным деятелям по народному образованию средством дополнительной поддержки начальной школы. По мере того как выяснялось, что знания, полученные в ННУ, улетучиваются, росла убежденность в том, что этот процесс можно остановить, внедряя в деревню все больше библиотек, книг и повторительных курсов. В резолюциях первого общеземского съезда по вопросам народного образования, состоявшегося в августе 1911 г. говорилось о необходимости широкого развития внешкольного образования. Обосновывалась эта потребность тем, что успешное развитие сельского хозяйства возможно только при высоком уровне культурного развития населения⁸⁵⁷. Затраты на школьное образование без организации внешкольного малопродуктивны. Эти выводы косвенным образом свидетельствуют если не о крахе земской школьной политики, то о ее серьезном кризисе. Об этом говорит то, что, несмотря на такой стимул для крестьянина, как получение льготы по воинской повинности, полный курс в ННУ (всего 4 года!)

⁸⁵³ Цит. По: Организация образования... С. 51.

⁸⁵⁴ Об организации подобных курсов см. разделы: «Педагогическая хроника» // Русская школа. И «Хроника» // Образование.

⁸⁵⁵ Медынский Е.Н. Внешкольное образование его значение, организация, техника. М., 1918. С. 236.

⁸⁵⁶ Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1915. С. 66.

⁸⁵⁷ Медынский Е. Н. Указ. соч. С. 8.

заканчивало, получая свидетельство в С. Петербургском учебном округе 12,3%, в Московском 10,3% всех учеников⁸⁵⁸.

Сравнивая цифры окончивших курс с числом выбывших до его окончания (СПб. округ – 16,7%, Московский – 17,7%) автор восклицает: «Это значит, что результаты обучения детей в элементарных школах сводятся почти на нет... Особенно громадный процент выбывших из школы до окончания курса оказывается в Тверской губернии, т. е. в той из губерний, где школьное дело до сих пор считалось стоявшим на более высоком уровне по сравнению с другими губерниями Московского округа».

Причины такой ситуации виделись в экономических условиях крестьянской жизни. «Русский крестьянин беден, ему нужны дети как рабочая сила и потому он не может оставлять их долго в школе», - писал Н.А. Корф⁸⁵⁹. Исходя из этого, в 70-е гг. делалось заключение о том, что в первую очередь необходимо улучшить экономическое положение крестьян и лишь потом заниматься школой. Однако, уже в 1890-е гг. либералы стали ставить экономический успех крестьянского хозяйства в зависимость от грамотности. И приведенные статистические данные подтверждали новую идеологическую линию. С развитием земской статистики появлялись факты, показывающие несколько иную картину.

В Самарской губернии, статистические отчеты рисовали такую ситуацию: в южных уездах Николаевском и Новоузенском, крестьяне имели больший надел, чем в северных и занимались преимущественно земледелием. Уровень грамотности, среди русских крестьян, там был также более высок. В северной части Самарской губернии, земельные наделы были меньше и крестьяне помимо земледелия подрабатывали на промыслах⁸⁶⁰. Казалось бы, этот пример подтверждал аргумент зависимости грамотности от достатка. Но данные, скажем по Воронежской губ., говорили о том, что грамотные селения менее богаты, чем неграмотные⁸⁶¹.

Сопоставление, проводившееся по 9 уездам Курской и Воронежской губернии показало, что в 6 уездах развитие грамотности было сильнее у крестьян наиболее обеспеченных земель, а в 3 уездах наблюдалось обратное явление⁸⁶². В Вольском уезде Саратовской губернии, самой безграмотной оказалась как раз та часть населения, надел которой следовало признать сравнительно высоким (от 5 до 10 десятин)⁸⁶³. А в Задонском уезде Воронежской губернии, группа с наделом в 5 десятин, была грамотнее, чем группа с наделом в 15 десятин. Точно такое же положение наблюдалось в русских волостях Шлиссельбургского уезда Петербургской губернии.

Но все же насущные потребности поддержания жизнеспособности и платежеспособности собственного хозяйства для русского крестьянина оказывались определяющими в выборе отношения к грамоте. Рогачевская волость Дмитровского уезда Московской губернии занимала первое место среди остальных волостей уезда по грамотности новобранцев – 80,6%⁸⁶⁴. Этот факт был связан с тем, что в ней развивался отхожий промысел сидельцев в мясных и рыбных лавках. Это занятие требовало от крестьян умения подсчитывать деньги, вести записи, а потому они стремились дать своим детям начальное образование.

Вообще волости, где крестьяне отбывали на промысел, оказывались более грамотными, чем те, где они работали на местных фабриках или занимались земледелием.

⁸⁵⁸ Красноперов И. Результаты однодневной переписи народных школ в России 18-го января 1911 г. // ЖМНП. 1914. Ч. 52. № 7. Отдел по народному образованию. С. 34.

⁸⁵⁹ Цит. По: Кагтерев П.Ф. Указ. соч. С. 257.

⁸⁶⁰ Красноперов И. Народное образование в Самарской губернии // Русская школа. 1894. № 9/10. С. 274-275.

⁸⁶¹ Доклад В.П. Вахтерова в Московском комитете грамотности // Русская школа. 1895. № 2, педагогическая хроника. С. 227.

⁸⁶² Там же.

⁸⁶³ Там же.

⁸⁶⁴ Ростовцев Н. Прогресс народного образования, в зависимости от деятельности земства, по данным грамотности рекрут // Русская школа. 1901. № 4. Отдел I. С. 144-164.

Труд на фабриках, находившихся в сельской местности, был неквалифицированным, и грамота для работы не требовалась. Часто трудились и матери, а дети замещали отцов и матерей в домашнем хозяйстве, потому и школа была для них недоступна. В тех случаях, когда отец отъезжал на заработки, а мать оставалась на хозяйстве, дети имели возможность в зимнее время посещать школу. В тех волостях, где было мало земли, не было фабрик, крестьяне нанимались в извозчики, а этот промысел был малоходным, там царил бедность и дети постоянно были заняты в домашнем хозяйстве. В таких волостях, к примеру, Гульневской показатели грамотности были менее значительны. Помимо бедности препятствиями развитию земской школы, на примере Дмитровского уезда, объявлялись: капитализированные кустарные промыслы и фабрично-заводская промышленность⁸⁶⁵.

К. Воробьев, рассматривая материалы подворных переписей крестьянских хозяйств Мышкинского уезда Ярославской губернии, также обратил внимание на связь уровня грамотности с родом промысловой деятельности крестьян⁸⁶⁶. По его данным на 100% грамотными оказывались крестьяне, занимавшиеся торговлей мануфактурным товаром, немного (1 – 2%) уступали им торговцы продуктами и разной мелочью. Причем, в этом уезде, они торговали исключительно в Москве и Санкт-Петербурге. В целом грамотность всех занимавшихся промыслом в столицах не опускалась ниже 80%. Наименьший уровень показывали, работавшие в деревнях, горшени-кустари и пастухи 36,5% и 46,2%, разницу обуславливалась, при этом, более молодым возрастом последних.

Критики земской школы находили в «опыте Запада» доказательства своей правоты. В частности тогда, когда подвергалась сомнению целесообразность стационарной и относительно «дорогой» земской школы, растущие расходы на которую, в конечном счете, через увеличение земских сборов отягощали хозяйство крестьянина. Один из корреспондентов «Русской школы», М.Л. Песковский предлагал обратиться к опыту Скандинавских стран: «около полувека тому назад, когда Скандинавия и подвластная нам Финляндия были беднее даже, чем мы в настоящее время и можно сказать, задыхаясь под игом повального невежества населения они, сообразуясь со скудостью своих государственных и народных средств, обратились, прежде всего, к поголовному обучению подрастающих поколений простой грамоте, именно посредством переходящих учителей, как самому дешевому, общедоступному средству даже и при самом бедном положении населения»⁸⁶⁷.

В этом контексте был интересен опыт «русского Запада» – прибалтийских губерний, в которых население было практически полностью грамотным, при относительно дешевой школе⁸⁶⁸. Так, в Лифляндской губернии, учитель не получал жалованья, как в земских губерниях России, а пользовался земельным наделом в качестве платы за учительство и сам его обрабатывал в летнее время. В тех волостях, где не было свободного земельного надела, учителям платили жалованье, по размерам в 2 – 3 раза ниже, чем у их земских коллег. Летом такие учителя отправлялись на заработки в Ригу: мостили улицы, работали на фабриках и заводах или на Двине разнорабочими, нередко они были заняты в помещичьих имениях Лифляндии и Эстляндии на сезонных работах. В то время как большинство земских учителей, в России, находились в летнем, оплачиваемом отпуске. При этом доля учащихся в общей численности населения в балтийских губерниях, в начале XX в., была самой высокой, они занимали 3 первых места по этому показателю среди всех губерний империи: Лифляндская – 6,3%, Эстляндская – 6%, Курляндская – 5,5%⁸⁶⁹.

⁸⁶⁵ Там же.

⁸⁶⁶ Воробьева К. Связь грамотности с факторами хозяйства // Образование 1904. № 9. Отдел III. С. 1-20.

⁸⁶⁷ Песковский М.Л. Обязательный минимум образования. // Русская школа. 1894. № 1. С. 104.

⁸⁶⁸ Абрамов Я. Педагогическая хроника. // Русская школа. 1894. № 9/10. С. 343-344.

⁸⁶⁹ Левин К. Начальное народное образование в России // ПШ. 1903. № 10-11. Отдел I. С. 185.

Такая постановка дела в земской школе и давала повод обвинять ее в расточительности. Но либеральная критика земской школы не предлагала отказаться от уже выработанного типа этого учебного заведения, лишь предлагая использовать традиционные формы обучения в виде переходящих учителей, в качестве подготовительной ступени к начальной школе и тем самым, разгрузить ее от тех крестьянских детей, которым нужно лишь умение читать и писать⁸⁷⁰. Имелись примеры использования ШГ параллельно со стационарными в Казанской губернии и в Пермской⁸⁷¹. Несмотря на впечатляющий рост числа школ и учеников в них, грамотность взрослого населения к 1911 г. составила всего 38,3%. Грамотных среди новобранцев, в 1913 г., было 68%, по сравнению с 21,3% в 1874 г.⁸⁷² Однако и в первые десятилетия XX века, не удавалось достичь того чтобы все крестьянские дети, ученики начальных училищ, проходили полностью весь 3-х летний курс обучения, в них. Эта болезнь земской школы, отмеченная еще Н.А. Корфом, и в начале нового века оставалась серьезной проблемой.

Для крестьян потребности собственного хозяйства, по-прежнему, были важнее, чем школа, когда дети выучивались читать и писать их забирали из нее. В большом количестве случаев достижением земской школы была лишь элементарная грамотность.

Е.Ю. Рукосуев
Екатеринбург

БАНКИ И БИРЖА НА СЪЕЗДАХ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКОВ УРАЛА

Одним из центральных вопросов, ставившихся на съездах уральских золотопромышленников, был вопрос об учреждении банка, который мог бы осуществлять кредитование отрасли.

Уральские золотопромышленники пользовались краткосрочным вексельным кредитом в местных отделениях Государственного банка, а также ссудами под залог золота, домов и прочего недвижимого имущества в частных коммерческих банках. Однако нужды золотопромышленников и особенно платинопромышленников удовлетворялись недостаточно. Тяжелое положение, в котором оказалась золотопромышленность в начале XX в., начавшийся общепромышленный кризис, заставляли вновь и вновь ставить вопрос о кредитах.

В программу II общего съезда золотопромышленников Урала (1898 г.) был включен вопрос об учреждении Горнопромышленного банка. После оживленного обмена мнениями, Совету Съезда было поручено выработать проект организации Общества взаимного кредита для промышленников и устава Горнопромышленного банка, которые разослать всем членам съезда для предварительного ознакомления. Совет Съезда получил также полномочия входить в сношения со всеми лицами и учреждениями по предмету этих проектов⁸⁷³.

В 1903 г., на IV общем съезде золотопромышленников Урала вновь был поднят вопрос об учреждении Горнопромышленного банка на Урале. Проект организации этого банка был выработан Съездом горнопромышленников Урала, в составлении и обсуждении его приняли участие и представители золотопромышленности. Проект был представлен правительству, но утверждения не последовало. На съезде было решено повторить ходатайство об утверждении проекта устава, а также возбудить ходатайство о том, чтобы частным банкам было предоставлено право выдавать ссуды

⁸⁷⁰ Чехов Н.В. Школы грамотности и учителя крестьяне (Доклад в Московском комитете грамотности) // Русская школа. 1894. № 5/6. С. 337-339.

⁸⁷¹ См. РИШ. 1894. № 7-8. С. 17-22.

⁸⁷² Миллоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т.2, ч.2. С. 364-365.

⁸⁷³ Журналы заседаний II общего съезда уральских золотопромышленников в Екатеринбурге. 1898 год. - Екатеринбург, 1898. - С.34-35.